

Расчеты, доведение до белого каления и чуть ли не до смерти (3)

— С чего бы мне злиться? Жуй циньван, действительно, хороший выбор, по сравнению с Чэнь Чжэн Минем. Он же никто, так что твой выбор, не знаю, во сколько раз лучше. Если это дело довести до конца, то кем будут такие люди, как Ло Цзин Вань? Ты сможешь легко растоптать их. Однако, что касается этого вопроса, ты не должна позволить кому-либо забраться тебе в голову. Кроме твоего отца и меня, никто и полслова не должен узнать об этом. Иначе, когда придет время, вся наша семья пострадает, понимаешь?

— Матушка, я понимаю всю серьезность ситуации. Я определенно не буду небрежно трепать языком.

— Хорошо. Возвращайся в свою комнату. Прямо сейчас я хочу, чтобы ты как следует изучила правила и этикет со своей этикетной момо, а также как себя вести и некоторые другие вещи. Ты, вероятно, больше не будешь работать вполсилы и станешь сдерживать эмоции, верно?

Щеки Ло Цзин Ин даже запыхали слегка:

— Матушка, в прошлом эта дочь вела себя неразумно и не осознавала ваших кропотливых усилий. В последующие дни я определенно буду учиться правильно.

— Хорошо, что ты понимаешь, тогда иди.

— Эта дочь прощается.

Их семья из трех человек считала, что они достаточно скрытны, но в этом мире существовали своего рода "дотошные люди". Собственно говоря, вскоре после этого все было подробно пересказано на ухо Гун момо.

На поверхности Гун момо была, как всегда, невозмутима. Об этом она не расскажет барышне, главным образом, потому, что это не походило на предыдущий инцидент, когда третья ветвь подняла бурю, и практически вся семья Ло все знала. Это дело можно было посчитать тайным семейным планом. Если она смогла узнать такие подробности, то у всех возникли бы подозрения, не говоря уже о такой умной особе, как барышня.

Цзин Вань всем сердцем сосредоточилась на заботе о своих драгоценных цветах и растениях, временно отложив посторонние дела. В конце концов, тела Юань Цяо Цяо и Чжоу Ин Шуан можно только медленно поддерживать. Она не врач, поэтому ничем не в состоянии помочь. Что касается брака Сунь И Цзя, то его лично установил тот, кто обладал высшей властью во всей Ци Юань, никто не может комментировать этот вопрос. Сейчас она, скорее, надеялась, что известный своей безрассудностью живой Янь-ван, Цзинь циньван, разрушит эту помолвку. Хотя разрыв помолвки с императорской семьей сильно повлияет на женщину, Сунь И Цзя была другой. В любом случае, ее лицо уже разрушено, останься она в герцогской резиденции Дин, все равно найдутся люди, которые защитят ее, пусть их и будет немного.

Все думали, что после возвращения в столицу Ли Хун Юань первым делом посетит дворец. Если не для того, чтобы испортить брак, то он все равно должен засвидетельствовать свое почтение отцу-императору и муфэй, нет? Но неожиданно он просто вернулся в Цзинь ванфу. Как только ворота закрылись, не говоря уже о его братьях, пославших людей к его дверям, чтобы проверить его положение, даже люди императора Лэчэна наткнулись на стену.

Император Лэчэн хлопал по столам и снова в гневе разрывал меморандумы, яростно ругаясь. Но, как бы он ни злился, он все равно находился в хорошем настроении. Видно, что с возвращением Цзинь циньвана вместе с ним вернулась и его выносливость. Он проклинал свое наказание за тяжкие грехи, этого непочтительного сына, белоглазого волка и так далее в течение целого часа без продыху.

Изначально, в это время, он все еще работал в императорском кабинете, обсуждая официальные вопросы с придворными чиновниками, а также двумя-тремя сыновьями. Тем не менее, в конце концов, они столкнулись с этим вопросом, так что все эти люди могли только повесить головы и ждать, пока он закончит ругаться. Ну и что с того, что Ли Хун Юань даже не присутствовал? Извините, вам не повезло. Вымещать свой гнев на ком-то другом, на такие вещи многие были способны, не говоря уже об императоре. Когда он это делал, это было само собой разумеющимся и вполне законным. Никто ни единым словом или жестом не может возразить или возмутиться. Попробуйте-ка только пробурчать хоть звук, посмотрите, как он тут же с вас шкуру живьем спустит. Он не был ниже кого-то, только выше десятков тысяч. Он был именно таким своевольным и неразумным.

Глава кабинета министров Жуань Жуй Чжун, никогда раньше не ошибавшийся в делах правительственных, на это раз тоже был отруган императором Лэчэном, как какая-то шавка подзаборная.

Что же касается того, затаили ли они в своих сердцах злобу на главного обидчика, Цзинь циньвана, то поначалу, возможно, так оно и было, но со временем они привыкли. Как бы вы ни злились, как бы ни возмущались, все это напрасно и даже вредно для тела. Лучшим решением было просто слушать и ждать, пока гнев императора Лэчэна утихнет, или, возможно, дожждаться, пока Цзинь циньван посетит дворец и отвлечет монарший гнев на себя.

Однако, слушая проклятия императора Лэчэна, людские мысли о том, что тот уже нашел Ли Хун Юаня для разборок, более или менее развеялись. Все еще можно было сказать, действительно, ли человек пылал от ярости или просто притворялся, особенно в такой эмоциональной возбужденной ситуации. На такое много времени не надо.

Никто не считал, сколько чашек чая император Лэчэн уже выпил, но, в конце концов, он медленно перестал ругаться. Теперь, когда он закончил, официальные дела все еще требовали продолжения.

После того, как каким-то образом удалось закончить всю официальную работу, император приказал чиновникам и сыновьям исчезнуть. После этого он, полыхая гневом, направился прямо во дворец Юйцуй и, даже не дожидаясь поклона благородной супруги Су, сказал:

— Этот непомерно непочтительный сын, действительно, разозлил нас до смерти. Пропал на такой долгий срок, неужели не знает, что его старик будет волноваться? Возвращается и даже не заходит во дворец, чтобы засвидетельствовать нам свое почтение. Если бы кто-то еще осмелился это сделать, мы давно бы снесли им голову.

К такой ситуации Су гуйфэй тоже давно привыкла и лично налила чашку чая императору Лэчэну:

— Ваше величество, пожалуйста, успокойтесь, если этой супруге позволят сказать, то причина, по которой Юань эр осмеливается быть таким своевольным, заключается в вашей снисходительности.

— Снисходительности этого императора? Разве это, любимая супруга, не твоя снисходительность? — император Лэчэн сверкнул глазами.

Благородная супруга Су ничуть не испугалась и просто с улыбкой посмотрела на него, поглаживая грудь, чтобы дать выход его гневу:

— Да-да, во всем виновата эта супруга, но если ваше величество не потворствовали бы этой супруге, то и я не посмела бы потворствовать Юань эру. Так что, в конце концов, это все еще вина вашего величества.

Император Лэчэн сердито посмотрел на нее, решительно отказываясь признать, что нынешнее поведение этого изверга, более чем наполовину, вызвано им самим.

Знаете ли вы, почему Ли Хун Юань не направился прямо во дворец? Если вообще рассказывать об этом, то евнух Му имел самое большее право говорить, но озвучивать это было очень неловко.

Ли Хун Юань вернулся в Цзинь ванфу, сразу же принял ванну и переоделся. После этого он улегся на кровать и не сдвинулся с места.

С таким упрямством вы все еще ждете, что он пойдет во дворец или увидится с гостями? Подождите, пока он не захочет двигаться, а потом говорите. Верно, все телодвижения только когда он сам пожелает.

Ли Хун Юань оставался в таком положении целых три дня, позволив терпению императора Лэчэна дойти до предела. Если он все еще не покажется во дворце, тот, несомненно, пошлет людей окружить Цзинь ванфу и притащить его в императорский дворец.

Ли Хун Юань закончил надевать парадное одеяние циньвана. Ни одна выбившаяся нитка не портила образ. Вся его фигура была внушительной и необычайно красивой. Если отбросить все остальное, то, судя по осанке и внешности, не так уж много было молодых леди, которые не

подчинились бы ему.

Евнух Му расправил для него подол, бесконечно вздыхая внутри. Если снаружи узнают об истинной натуре господина, он боялся, что все молодые барышни столицы влюбятся в него.

Однако Ли Хун Юань лишь изредка посещал двор и обычно никогда не надевал парадные одежды. Что с ним сегодня не так, к чему такая серьезность?

Парадные ворота Цзинь ванфу открылись. Одетый в официальное одеяние циньвана вместе с процессией, положенной ему по рангу, Ли Хун Юань величественно направился к дверям.

Ванфу в этом районе было немало. В них очень быстро узнали, что этот, вернувшийся в столицу, наконец-то покинул родные пенаты и даже приготовился войти во дворец, да еще и таким грандиозным способом. Надо сказать, что у них всех, как у циньванов, торжественные наряды и процессии были одинаковы. Тех раз, когда они отправлялись в путь при полном параде и использовали процессию, было ли их мало? Но он пользовался ею лишь изредка. Подчас, раз в год или два, но они вообще ни разу не видели такого Ли Хун Юаня. Но как только он использовал такую манеру выхода, другие странным образом почувствовали, что он отличался от массы. Однако, спроси их в чем именно разница, они, действительно, не смогли бы назвать ничего конкретного.

Когда император Лэчэн узнал, что Ли Хун Юань наконец-то вошел во дворец, его лицо озарилось радостью, и он инстинктивно встал, но тут же что-то вспомнил и сердито сел обратно:

— Это, достойное наказания существо, все еще знает, как войти во дворец. Когда придет, пусть сначала встанет на колени снаружи на два часа.

А вскоре после этого подчиненные сказали ему:

— Ваше величество, Цзинь циньван отправился во дворец Юйцуй.

Император Лэчэн снова чуть не разбил императорский стол.

<http://tl.rulate.ru/book/19909/938861>